

Теодор
ДРАЙЗЕР

Теодор ДРАЙЗЕР

✧ ФИНАНСИСТ ✧ ТИТАН ✧ СТОИК ✧

«Трилогия желания»
В ОДНОМ ТОМЕ

2019
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д72

Theodore Dreiser
THE FINANCIER
THE TITAN
THE STOIC

Перевод с английского

ФИНАНСИСТ

Перевод *К. Савельева*

ТИТАН

Перевод *В. Курелла* (гл. I, IV—XIX, XLV—XLVIII),
Т. Озерской (гл. II, III, XX—XLIV, XLIX—LXII)

СТОИК

Перевод *М. Богословской, Т. Кудрявцевой*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Драйзер, Теодор.

Д72 Финансист ; Титан ; Стоик : «трилогия желания» в одном томе : [перевод с английского] / Теодор Драйзер. — Москва : Эксмо, 2019. — 1152 с. — (Полное собрание сочинений).

ISBN 978-5-04-101626-5

«Трилогия желания» — масштабное повествование американского писателя Теодора Драйзера о головокружительной карьере финансиста. В основе эпоса о Фрэнке Каупервуде — биография реального чикагского миллионера Чарлза Йеркса. Большой бизнес, финансовые аферы и махинации, жизнь и нравы олигархов блестяще описаны в трилогии. Осуществление американской мечты и обратная сторона успеха — в романах «Финансист», «Титан», «Стоик», собранных в одном томе.

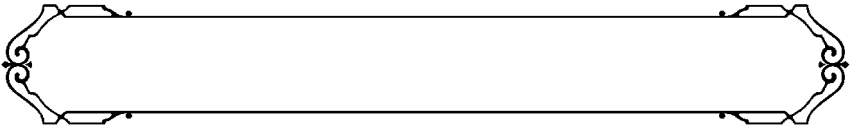
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

- © Богословская М., перевод на русский язык. Наследники, 2019
- © Кудрявцева Т., перевод на русский язык. Наследники, 2019
- © Курелла В., перевод на русский язык. Наследники, 2019
- © Озерская Т., перевод на русский язык. Наследники, 2019
- © Савельев К., перевод на русский язык, 2019
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101626-5

Финансист

Глава 1

В Филадельфии, где родился Фрэнк Ладжернон Каупервуд, проживали более двухсот пятидесяти тысяч человек. Город изобилует красивыми парками, примечательными зданиями и историческими воспоминаниями. Многих вещей, о которых мы с ним узнали впоследствии, тогда не существовало, — телеграфа, телефона, компаний по доставке грузов, океанских лайнеров, городской почтовой службы. Не было почтовых марок и заказных писем. Еще не появились трамваи. Вместо этого были полчища омнибусов, а для дальних поездок существовала постепенно развивавшаяся железнодорожная система, во многих местах еще соединенная каналами.

Отец Каупервуда был банковским клерком, когда родился Фрэнк, но десять лет спустя, когда у мальчика уже сложился вполне разумный и деятельный интерес к миру, в связи с кончиной президента банка и продвижением других сотрудников вверх по служебной лестнице, мистер Генри Уортингтон Каупервуд получил место кассира с необыкновенно щедрой для него годовой зарплатой в три тысячи пятьсот долларов. Он сразу же радостно объявил жене о своем решении переехать из дома 21 на Баттонвуд-стрит в дом 124 на Нью-Маркет-стрит, находившийся в гораздо более привлекательном районе. Красивый трехэтажный дом из красного кирпича выгодно отличался от их нынешнего двухэтажного жилища. Существовала вероятность, что в будущем они приобретут что-нибудь получше, но пока этого было достаточно. Он искренне благодарил судьбу.

Генри Уортингтон Каупервуд был человеком, который верил лишь в то, что видел собственными глазами, и довольствовался тем, кем он себя считал — банкиром или будущим банкиром. В то время он был представительным мужчиной — высокий, сухопарый, настойчивый в своей любознательности, с красивыми, аккуратно подстриженными бакенбардами, доходившими почти до мочек ушей, которые шли его длинному прямому носу и острому подбородку. Его кустистые брови подчеркивали серо-зеленые глаза, а волосы были коротко стриженными, приглаженными, с ровным пробором. Он всегда

носил стюртук — в те времена это было принято в финансовых кругах — и высокий цилиндр. Его руки и ногти отличались безупречной чистотой. Его манеру держаться можно было назвать строгой, но на самом деле она была скорее тщательно выпестованной, нежели суровой.

Будучи устремленным к повышению своего общественного статуса и продвижению в финансовых делах, он весьма осторожно выбирал собеседников. Он так же опасался жестких или непопулярных высказываний о политике или общественном устройстве, как и общения с неприятными людьми, хотя, по правде говоря, не имел определенных политических взглядов. Он не высказывался ни за рабство, ни против него, хотя тогда атмосфера между сторонниками аболиционизма и их оппонентами была накаленной. Он искренне верил, что на железных дорогах можно нажить громадное состояние, если только у человека есть капитал и такая своеобразная черта, как обаятельность — способность завоевывать чужое доверие. Он был уверен, что Эндрю Джексон¹ был неправ в своем противостоянии с Николасом Биддлом² и Банком США, которое в то время было одной из важнейших тем для обсуждения. По понятным причинам, его беспокоил «идеальный шторм» ничем не обеспеченных бумажных денег, которые вращались вокруг и постоянно приходили в его банк — разумеется в обесцененном виде, — откуда возвращались к озабоченным заемщикам в виде прибыли. Третий Национальный банк Филадельфии, где он служил, был расположен на Третьей улице в самом центре города и тогда, по сути дела, являлся национальным финансовым центром, а его владельцы занимались брокерской деятельностью в качестве побочного бизнеса. В то время, как моровое поветрие, большие и малые банки в отдельных штатах почти бесконтрольно выпускали банковские билеты, обеспеченные ненадежными или неизвестными активами, и в конце концов с поразительной скоростью банкротились или приостанавливали платежи. Знание всех этих тонкостей было необходимым требованием для должности, которую занимал мистер Каупервуд. В результате он стал настоящим воплощением осторожности. К сожалению, ему сильно не хватало двух вещей, необходимых для достижения успеха на любом поприще, — личного обаяния и дальновидности. Ему не выпало участи стать великим финансистом, хотя и удалось добиться некоторого успеха.

Миссис Каупервуд, миниатюрная, со светло-каштановыми волосами и ясными карими глазами, набожная женщина, в свои лучшие годы была очень привлекательной, но стала довольно чопорной и склонной

¹ Эндрю Джексон (1767–1845) — седьмой президент США, один из основателей Демократической партии. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² Николас Биддл (1786–1844) — президент Второго банка США, представлявшего интересы Ротшильдов.

с большой серьезностью подходить к материнской опеке трех своих сыновей и единственной дочери. Сыновья во главе с первенцем, Фрэнком, были источником постоянной досады для нее, ибо совершали вылазки в разные концы города, где, судя по всему, водились с дурной компанией, видели и слышали то, что им не полагалось видеть и слышать.

В десятилетнем возрасте Фрэнк Каупервуд уже был прирожденным лидером. Сначала в начальной школе, а потом и в центральной средней школе его считали здравомыслящим человеком, безусловно заслуживающим доверия. Характер у него был независимый, смелый и решительный. С самых юных лет он интересовался экономикой и политикой; книги его не занимали. Он был статным, подтянутым и опрятным мальчиком с ясным, четко очерченным пронизательным лицом, большими серыми глазами, широким лбом и короткими, стоявшими торчком темно-каштановыми волосами. Его манеры выдавали остроту ума, порывистость и самоуверенность; он постоянно задавал вопросы с желанием получить внятные и осмысленные ответы. Он никогда не болел, ел с аппетитом и железной дланью повелевал своими братьями. «Давай, Джо!», «Живее, Эд!» Эти команды были не грубыми, но властными, так что Эд и Джо подчинялись. Они с самого начала смотрели на Фрэнка как на хозяина положения и внимательно прислушивались к его словам.

Он неустанно размышлял над разными вещами, одни факты были для него не менее поразительными, чем другие, поскольку он не мог разобраться, каким образом устроена окружающая жизнь. Как люди пришли в мир? Что они здесь делают? Кто, в конце концов, привел все это в движение? Мать поведала ему историю об Адаме и Еве, но он не поверил. Недалеко от его дома находился рыбный рынок, и там, по пути в банк к отцу или во время одной из вылазок с братьями после школьных занятий, он любил рассматривать выставленный перед лавкой аквариум с морскими диковинками, добытыми рыбаками в бухте Делавэр. Однажды он видел там морского конька — просто необычную рыбку, отдаленно похожую на жеребенка, а в другой раз полюбовался на электрического угря, природу которого объясняло открытие Бенджамина Франклина. Однажды он увидел, как в аквариум помещают кальмара и лобстера, и стал невольным свидетелем трагедии, которая оставалась с ним до конца его жизни и значительно прояснила существующее положение вещей. Судя по разговорам праздных зевак, лобстера не накормили, поскольку кальмар считался его законной добычей. Он лежал в прозрачном стеклянном резервуаре на засыпанном желтым песком дне и вроде бы ничего не видел — нельзя было судить, в какую сторону смотрят его черные глаза-бусинки, — но, как оказалось, он не сводил взгляда с кальмара. Последний, бледнокожий и податливый на вид, похожий на кусок свиного сала, двигался толчками, как торпеда, но его перемещения ни на миг не ускользали от глаз противника. Постепенно мелкие кусочки его тела начали исчезать, отхваченные безжалостными

клешнями его преследователя. Лобстер как катапульта подскакивал туда, где якобы мирно дремал кальмар, но бдительный кальмар срывался с места и одновременно выпускал облачко чернил, за которым исчезал из виду. Увы, он не всегда добивался успеха. Кусочки его туловища или хвоста часто оказывались в клешнях чудовища, поджидавшего внизу. Зачарованный этой драмой, юный Каупервуд ежедневно приходил наблюдать за ее развитием.

Однажды утром он стоял перед аквариумом, почти прижавшись носом к стеклу. Кальмар был сильно обглодан, а его чернильный мешок почти пуст. В углу на дне сидел лобстер, явно готовый к действию.

Мальчик оставался так долго, как только мог; зрелище ожесточенной борьбы увлекало его. Возможно, кальмар умрет через час или же протянет еще один день, но в конце концов лобстер сожрет его. Он снова посмотрел на зеленовато-бронзовую машину уничтожения в углу и задумался, когда это случится. Скорее всего, сегодня вечером. Он вернется вечером.

Вечером он вернулся — и вот неизбежное свершилось. Вокруг аквариума собралась небольшая толпа. Лобстер находился в углу, а перед ним лежал кальмар, располосованный пополам и частично съеденный.

— Он наконец добрался до бедняги, — сказал один из зрителей. — Я стоял здесь час назад, когда лобстер прыгнул и схватил его. Кальмар слишком устал, ему не хватило реакции. Он отпрянул, но лобстер уже рассчитывал на это. Все движения кальмара были предугаданы, и сегодня он расстался с жизнью.

Фрэнк жалел, что пропустил этот момент. Лишь слабое подобие жалости шевельнулось в нем, когда он смотрел на убитого кальмара. Потом он перевел взгляд на победителя.

«Так должно было случиться, — подумал он. — Кальмар был недостаточно проворным».

Он разобрался в том, что произошло. «Кальмар не мог убить лобстера: у него не было оружия. Лобстер мог убить кальмара: он имел тяжелое вооружение. Кальмару было нечем кормиться, а лобстер рассматривал его как свою добычу. Каким был результат? Как еще это могло закончиться? У кальмара не было ни одного шанса», — заключил он по пути к дому.

Этот случай произвел огромное впечатление на Фрэнка. Он наглядно отвечал на загадку, так сильно занимавшую его: «Как устроена жизнь?» Одни существа живут за счет других, вот и все. Лобстеры питаются кальмарами и другими морскими существами. Кто питается лобстерами? Люди, кто же еще! Но тогда кто питается людьми? Неужели другие люди? Дикие животные едят людей; индейцы и каннибалы делали то же самое. Некоторые люди погибают от ураганов или несчастных случаев. Он не был уверен, что одни люди живут за счет других, но люди определенно убивали друг друга. Вот, например, войны, уличные

драки, разъяренные толпы. Однажды он видел толпу, нападавшую на здание газеты «Паблик Леджер»¹, когда возвращался домой из школы. Отец объяснил ему, что это произошло из-за вопроса о рабстве. Вот оно! Разумеется, одни люди живут за счет других. Только посмотрите на рабов — ведь они тоже люди. Вся эта шумиха поднялась из-за того, что одни люди убивали других людей, то есть негров.

Фрэнк вернулся домой, вполне довольный собой и своими мыслями.

— Мама! — воскликнул он, когда вошел в дом. — Он наконец поймал его!

— Кого? Кто кого поймал? — удивленно спросила она. — Иди-ка, вымой руки.

— Лобстер наконец поймал кальмара, о котором я вчера рассказывал тебе и папе.

— Какая жалость. Почему ты интересуешься такими вещами? Бегом мыть руки!

— Знаешь, такое нечасто можно увидеть. Я, например, никогда не видел. — Фрэнк отправился на задний двор, где находился водопроводный кран и столик, на котором стоял блестящий жестяной таз и ведро воды. Там он помыл руки и сполоснул лицо.

— Папа, ты помнишь того кальмара? — немного позже обратился он к отцу.

— Да.

— Так вот, он умер. Лобстер съел его.

— Очень жаль, — равнодушно отозвался отец, не отрываясь от газеты.

Следующие месяцы Фрэнк много размышлял об этом и о жизни вообще, поскольку уже начинал задумываться, кем будет и как обустроит свои дела. Наблюдая за отцом, считавшим деньги, он был уверен, что ему понравится банковское дело. А Третья улица, где находился банк, в котором служил отец, казалась ему самой приятной улицей на свете.

Глава 2

Взросление юного Фрэнка Алджернона Каупервуда приходилось на годы, которые можно было назвать уютным и счастливым семейным существованием. Баттонвуд-стрит, где он провел первые десять лет своей жизни, была чудесным местом для мальчика. Улица была застроена в основном небольшими двух- и трехэтажными домами красного кирпича с мраморными крылечками, ведущими к парадному входу, и с мраморной отделкой дверей и окон. Повсюду в изобилии росли раскидистые

¹ Public Ledger — популярная филадельфийская газета, выходившая с 1836 по 1942 г. Во время конфликта между Севером и Югом занимала нейтральную позицию и выступала за немедленное перемирие.

деревья. Мостовая, выложенная крупным округлым булыжником, была дочиста отмыта дождями, а влажные тротуары, вымощенные красным кирпичом, отдавали прохладой. На заднем дворе росли деревья, трава и цветы, и, хотя вдоль улицы фасады тесно примыкали друг к другу, за домом было просторно.

Каупервуды располагали достаточными средствами, чтобы обзавестись детьми со всеми их радостями и заботами, поэтому после Фрэнка в семье каждые два-три года появлялся ребенок, и ко времени переезда в новый дом на Нью-Маркет-стрит семья представляла собой веселую компанию. Связи Генри Уортингтона Каупервуда увеличивались, по мере того как его должность становилась все более ответственной, и постепенно он стал довольно известной личностью. Он уже был знаком с несколькими процветающими коммерсантами, которые вели дела с его банком, а поскольку его обязанности требовали тесного общения с другими банкирскими домами, он завел знакомства в Банке США, среди банковских учреждений Дрекселей¹, Эдвардсов² и многих других, имевших о нем благоприятное мнение. Маклеры знали его как представителя очень надежного учреждения, и хотя его не считали выдающимся умом, он был известен как человек, достойный всяческого доверия.

Юный Каупервуд был свидетелем успехов отца. Ему часто разрешали приходить в банк по субботам, где он с большим интересом наблюдал за стремительным оборотом денег на брокерских счетах. Ему хотелось знать, откуда приходят денежные средства, зачем требуют и принимают скидки при учете векселей и что люди делают с деньгами, которые они получают. Отец, довольный его интересом, с радостью давал объяснения, поэтому уже в юном возрасте — от десяти до пятнадцати лет — мальчик приобрел глубокие знания о финансовой системе страны: что такое банк штата и национальный банк, чем занимаются брокеры, что такое акции и почему их цена колеблется. Он рано понял, что означают деньги как средство обмена и каким образом все виды стоимости исчисляются по отношению к первичной — к стоимости золота. Он был прирожденным финансистом, и любые знания, связанные с этим великим ремеслом, были для него такими же естественными, как тонкости чувствования для поэта. Золото как средство обмена особенно интересовало его. Когда отец объяснил, как добывают золото, он видел себя во сне владельцем золотого прииска и просыпался с желанием, чтобы это стало правдой. Он также проявлял интерес к акциям и об-

¹ Дрексели — семья банкиров, выходцев из Австрии, имевшая банки и инвестиционные фирмы в Филадельфии, Чикаго и Нью-Йорке. Во время действия романа во главе банка стоял Энтони Джозеф Дрексель (1826–1893), который основал университет Дрекселя.

² Альберт Галлатин Эдвардс (1812–1892) был секретарем казначейства США при президенте Линкольне и основал банковский дом своего имени, предшественник современного банка «Уэллс Фарго».

лигациям, поэтому вскоре узнал, что некоторые не стоят даже бумаги, на которой они напечатаны, зато другие стоят гораздо больше своей номинальной стоимости.

— Вот, сынок, — однажды обратился к нему отец, — такое добро нечасто можно увидеть в наших местах.

Он имел в виду серию акций Британской Ист-Индской компании, заложенных под две трети их номинальной стоимости под ссуду в сто тысяч долларов. Магнат из Филадельфии оставил их в залог под наличные средства. Юный Каупервуд с любопытством разглядывал их.

— На вид они не особенно ценные, правда?

— Они стоят в четыре раза больше номинала, — насмешливо ответил отец.

Фрэнк по-новому посмотрел на акции.

— Британская Ист-Индская компания, — прочитал он. — Десять фунтов. Это почти пятьдесят долларов.

— Сорок восемь долларов тридцать пять центов, — деловито поправил его отец. — Так что если бы у нас была пачка таких бумаг, нам не пришлось бы трудиться. Обрати внимание, они почти без булавочных отметок. Это значит, что они редко были в обращении; думаю, их впервые использовали в качестве залога.

Тогда Каупервуд-младший с особенной остротой почувствовал, как огромен финансовый мир. Что это за Ист-Индская компания? Чем она занимается? Отец рассказал ему об этом.

Дома он часто слышал разговоры о финансовых инвестициях и рискованных операциях. К примеру, он слышал о любопытном персонаже по имени Стимбергер, крупном спекулянте на мясном рынке из Виргинии, который в те дни приехал в Филадельфию, надеясь на большие легкие кредиты. По словам отца, Стимбергер был близок с Николасом Биддлом, Лэрднером и другими важными персонами из Банка США, по крайней мере, состоял в дружеских отношениях с ними, поэтому мог получить практически все, о чем он просил. Он закупал скот в Виргинии, Огайо и в других местах в огромных количествах и фактически монополизировал поставки говядины в восточные штаты. Он был румяным здоровяком, лицо его, по словам отца Фрэнка, смахивало на свиное рыло; он носил высокую бобровую шапку и длинный сюртук, свободно болтавшийся на его широкой груди и толстом животе. Он поднял цену на мясо до тридцати центов за фунт, что возмущало розничных продавцов и покупателей и привлекало к нему всеобщее внимание. Он обращался в брокерский отдел банка Каупервуда-старшего за годовыми займами в сто или двести тысяч долларов под гарантийные кредитные обязательства Банка США на тысячу, пять или десять тысяч долларов, которые он обналичивал с дисконтом десять-двенадцать процентов от номинала, предварительно оставив в Банке США собственный четырехмесячный вексель на всю сумму сделки. Деньги он получал по номиналу

в брокерской конторе Третьего Национального банка пачками банкнот, выпущенных банками Виргинии, Огайо и Западной Пенсильвании, так как оплачивал свои расходы преимущественно в этих штатах. Первоначальная комиссия Третьего Национального банка составляла от четырех до пяти процентов, а поскольку он принимал западные банкноты с дисконтом, то получал прибыль еще и отсюда.

Был еще один человек, о котором говорил отец, — Фрэнсис Гранд, знаменитый газетчик и лоббист из Вашингтона, обладавший талантом раскапывать всевозможные секреты и лазейки, особенно связанные с финансовым законодательством. Казалось, тайны президентского кабинета, сената и палаты представителей были открытой книгой для него. Несколько лет назад Гранд приобрел через брокеров значительное количество тexasских облигаций и долговых сертификатов. В борьбе с Мексикой за независимость республика Техас выпускала разнообразные сертификаты и облигации ценой от десяти до пятнадцати миллионов долларов. Позднее в связи с планом присоединения Техаса к Соединенным Штатам был опубликован законопроект, обеспечивающий возмещение в размере пяти миллионов долларов для погашения этой старой задолженности. Гранд знал об этом, как и о том, что часть долга из-за особых условий выпуска предусматривала полную выплату, а остальное подлежало деноминации и что на одной из сессий будет предпринята попытка провалить законопроект, чтобы отпугнуть посторонних, которые могли прослышать о планах правительства и скупать тexasские сертификаты с целью получить прибыль. Он ознакомил Третий Национальный банк с этим обстоятельством, и, разумеется, информация дошла до Каупервуда, занимавшего должность кассира. Он рассказал об этом своей жене, и когда его рассказ дошел до Фрэнка, его большие, ясные глаза загорелись. Он гадал, почему отец не хочет воспользоваться благоприятной ситуацией и приобрести несколько тexasских сертификатов лично для себя. По словам отца, Гранд и еще три-четыре человека отхватили по сотне тысяч долларов. Это было не вполне законно, но если подумать, то все-таки законно. Почему служебная осведомленность не должна быть источником вознаграждения? Фрэнк понимал, что отец был слишком честным и осторожным человеком, но он обещал себе, что когда вырастет, то станет брокером, или финансистом, или банкиром и провернет такую сделку.

Примерно в то время к Каупервудам приехал дядя, которого никогда раньше не видели. Сенека Дэвис был братом миссис Каупервуд: грузный, ростом пять футов и десять дюймов, с большим округлым телом, румяный, голубоглазый, с остатками золотистых волос на круглой голове. Он одевался элегантно и по моде щеголял в жилетах в цветочек и длинных светлых сюртуках, носил цилиндр, этот символ преуспевающего человека. Фрэнк сразу же пленился его видом. Дядя был плантато-

ром на Кубе, имел там большое ранчо и рассказывал мальчику истории о кубинской жизни — о бунтах, засадах, рукопашных схватках с мате на его собственной плантации и тому подобных вещах. Он привез с собой коллекцию индейских диковинок, много денег и нескольких рабов, один из которых, высокий и костлявый негр, по имени Мануэль, был его слугой и телохранителем. Суда, нагруженные сахаром-сырцом с его плантации, разгружались на пристанях Саутарка в Филадельфии. Фрэнку нравилось бодрое, добродушное отношение дяди к жизни, грубоватое и довольно бесцеремонное, что было не принято в их спокойной и сдержанной семье.

— Ну, Нэнси-Арабелла, — обратился он к миссис Каупервуд в воскресный день, после того как поверг семейство в радостное изумление своим неожиданным появлением, — ты не раздалась ни на дюйм! Когда ты вышла за старину Генри, я думал, что ты раздобреешь, как твой брат, но только посмотри на себя! Небом клянусь, ты не набрала и пяти фунтов! — и он подкинул ее, обхватив за талию, чем смутил детей, не привыкших к такому фамильярному обращению с матерью.

Генри Каупервуд был доволен прибытием преуспевающего родственника, поскольку двенадцать лет назад, когда состоялась свадьба, Сенек Дэйвис почти не обратил на него внимания.

— Только посмотрите на этих бледных филадельфийцев, — продолжал он. — Им нужно приехать ко мне на Кубу и как следует поджариться у меня на ранчо. Тогда они не будут похожи на восковых куколок, — и он ущипнул за щеку Анну-Аделанду, которой исполнилось пять лет. — Что сказать, Генри, у тебя здесь довольно-таки приятное место!

Он обвел критическим взглядом большую гостиную в целом непримечательного трехэтажного дома. Комната размером двадцать на двадцать четыре фута, отделанная деревянными панелями с имитацией под вишню и обставленная салонной мебелью в стиле шератон¹, выглядела необычно старомодной. Когда Генри стал кассиром, семья приобрела пианино, доставленное из Европы, что в те дни было несомненной роскошью. Инструмент предназначался для Анны-Аделаиды, когда она достаточно подрастет, чтобы учиться музыке. В комнате было несколько необычных украшений, к примеру, газовая люстра, круглый аквариум с золотыми рыбками, редкие полированные раковины и мраморный кушдон с корзинкой цветов. Стояло лето, и раскидистые зеленые ветви деревьев за распахнутыми окнами отбрасывали приятную тень на тротуар. Дядюшка вышел на задний двор.

— Вполне уютный вид, — заметил он, обратив внимание на большой вяз и отметив, что двор был частично вымощен кирпичом и ого-

¹ Стиль шератон — английский неоклассический стиль конца XVIII в., названный в честь мебельщика Томаса Шератона и находившийся на пике популярности в 1780-е — 1820-е гг.